Борис Лихарев

БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ПОЭЗИИ

БОРИС ЛИХАРЕВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Ленинградское отделение
Ленинград · 1972

Р 2
Л 65

Предисловие
ДМ. ХРЕНКОВА

7-4-2
108-72

БОРИС ЛИХАРЕВ — ПОЭТ И СОЛДАТ

У автора этой книги — завидная судьба.

Воспитанник детского дома, с первых самостоятельных шагов он оказался на переднем крае той великой битвы, которая началась в Октябре Семнадцатого года на выстуженной балтийскими ветрами Дворцовой площади и которая продолжается во всех больших и малых деяниях советского народа. Он был одним из руководителей ленинградской писательской организации, редактором журналов и альманахов, солдатом и офицером. Но все мы знали и любили его прежде всего как поэта и человека доброго сердца.

Борис Лихарев учился в Литературном институте им. Брюсова, потом перевелся в Ленинградский университет, а поэтическую закалку получил

в литературном объединении «Смена». Объединением руководили В. Саянов и В. Друзин. Здесь охотно бывали В. Маяковский, М. Светлов, Н. Тихонов. На занятиях и диспутах, бушевавших под сводами антресольного этажа дома № 1 по Невскому проспекту, где собирались сменовцы, Лихарев с гордостью показывал товарищам руки: они были в краске (поэт зарабатывал на жизнь, работая на ротаторе). Уже тогда, как побратимы, в его стихи входят два главных героя — красный боец и рабочий. Еще несовершенные в поэтическом отношении, еще нередко наивные по мысли, подвергавшиеся суровой и справедливой критике товарищей, стихи тем не менее обращали на себя внимание чистотой помыслов и непосредственностью чувств. Конечно, сегодняшний любитель поэзии может раскритиковать, скажем, стихотворение «Водолаз», но вычеркните его из сборника — и вместе с ним уйдет из книжки что-то очгнь важное, помогающее представить путь поэта, почувствовать атмосферу тех дней.

Подобно всем своим сверстникам, Борис Лихарев сетовал, что «опоздал» родиться и потому не смог принять участие в революционных битвах.

Тогда, конечно, он не мог знать, что тяжкая солдатская доля не минует его. В юности он слагал о воинской доблести выспренние стихи, но в Средней Азии на только что проложенном Турксибе поэт увидит и просто напишет о том, как «нюхают рельсы верблюды». Он будет участвовать в спуске на воду новых кораблей и в подарок молодому моряку даст песенку, которую можно спеть на прощание любимой,— «Чем больше пройдено, тем ты, как Родина, еще дороже мне».

Жизнь одарит его дружбой со многими замечательными людьми. Среди них будут товарищи по поэтическому цеху и по общей борьбе во имя торжества коммунизма — Николай Тихонов, Виссарион Саянов, Александр Прокофьев, легендарный Юлиус Фучик, которому он посвятил поэму «Подвиг».

В 1929 году в Ленинграде вышла тоненькая книга стихов. Она называлась весьма удачно — «Разбег». Действительно, книга стала своеобразной стартовой площадкой, с которой шагнули в литературу четыре поэта — Александр Прокофьев, Александр Чуркин, Александр Гитович и Борис Лихарев.

Б. Лихарев напечатал в «Разбеге» свою знаменитую «Соль». Это стихотворение, с его упругой ритмикой, метафоричностью, яркой как солнечный луч, дробящийся в куске соли, сразу же стало чем-то вроде гимна для комсомольцев начала 30-х годов. Помню, мы скандировали его на демонстрациях, наши бригады «Синей блузы» начинали им свои выступления на торжествах и праздниках. «Мы соль земли», — повторяли за поэтом юноши и девушки, объявившие решительную борьбу мещанству («И мы мириться не могли С позором пресноты»). Соль — это отнюдь не NaCl, а то, что составляет силу земли, основу жизнедеятельности («Недаром соль у каждого В крови растворена»). Вот почему поэт, выражая мысли своих сверстников, ратовал за то,

Чтоб жизнь была нам краше
И чтоб остра, как боль,
Чтоб вечно в жилах наших
Свирепствовала соль.

Мы не нюхали пороху, но когда приходили к шефам в красноармейскую казарму и видели, как дремлет в пирамидах покрытое смазкой оружие, воображение неизменно переносило нас на поле

боя. Писаря военкоматов еще не выписали нам повестки, а Лихарев напоминал:

Враги готовят войны,
Таится в тучах гром.
Товарищ, будь достойным
Республики бойцом.

В первую свою творческую командировку Борис Лихарев отправился в Среднюю Азию. Почему именно туда? Не только потому, что там, как ему казалось, всего виднее ростки нового (ведь вся страна превратилась в строительную площадку), но и потому, что меж барханами еще гнездился ружейный дым: пески не остыли после недавних боев с басмачами.

Еще до отъезда он написал свое широко известное стихотворение «Казнь декабристов».

По форме это маленькая трагедия. Герои ее почти лишены действия, диалогов, но тем не менее мы не только видим каждого из них, а, кажется, и слышим их голоса. Особенно запоминается трубач, который, видя, как мучаются срывающиеся с петель приговоренные, чтобы не закричать, «глотает откушенный ус». Заключительная строфа — словно своеобразный мостик из далекого вчера в наше сегодня:

Каждый обязан свое получить —
Снова упавших берут палачи. . .
Пеной покрылся Рылеева рот,
Голос его начинает хрипеть:
«Счастлив. . . что я. . . за российский народ
Дважды могу умереть».

Именно эта непоколебимая готовность «дважды умереть» за народ, за Россию составляла пафос поэзии Бориса Лихарева. И не только поэзии, а самой его жизни.

В Средней Азии он значительную часть времени провел среди дорогих его сердцу людей в красноармейских гимнастерках. В «Защите Гарма» он расскажет о доблести комиссара дивизии Федина. В 1927 году на маленький городок в Таджикистане, Гарм, где не было ни одного красноармейца, напала банда басмачей во главе с Файзулой Максумом. Узнав об этом, комиссар Федин на самолете за ночь пролетел пятьсот километров и опустился в самом центре города, на базарной площади. Только одно его появление так напугало басмачей, что банда обратилась в бегство: «Если в Гарме сам товарищ Федин, Вся его дивизия за ним».

В романтической дымке предстает перед читателем и герой другого стихотворения — красный

командир Григорий Сенчуков. Его отряд окружили басмачи. Вывести отряд из-под пуль можно было при условии, если кто-то прикроет отход. Этот подвиг совершил Григорий Сенчуков.

Так триста греков
Бились в Фермопилах,
Тех триста было —
Этот был один.

(«Григорий Сенчуков»)

Комиссар Федин, краском Сенчуков, другие славные бойцы станут и героями стихов Лихарева и примером для подражания, в том числе для самого поэта. В стихотворении «Ветер с Хасана» он писал: в ночи «сияли огнями районные военкоматы. Командиры запаса, повесток мы ждали от них».

Борис Лихарев получил ее в числе первых.

В зиму 1939—1940 года он был командиром саперного взвода, прокладывал пехоте и танкам дорогу через финские болота и минные поля. Морозы в ту зиму стояли такие, что лопались кожухи пулеметов «максим», руки примерзали к железу.

Я разыскал Лихарева на другой день после того, как стало известно, что правительство наградило его орденом Красного Знамени.

В маленькой землянке, добрую половину которой занимала похожая на домну печь, сделанная из железной бочки, Лихарев сидел на низких нарах и что-то объяснял красноармейцу Ефимову. Глаза Лихарева, воспаленные от постоянного недосыпания, слезились; щеки, покрытые многодневной щетиной, ввалились. Чувствовалось, что он устал. Но, беседуя с бойцом, Лихарев шутил, и шутки его отогревали не меньше, чем гудевший в печи огонь.

В тот день поэт записал в своем дневнике то, что в минувшую ночь произошло с Ефимовым: «Ножницы отказались ему повиноваться, и он, шепотом яростно проклиная белофиннов, окончательно растерялся среди обрезков колючки. Я взял у него ножницы и, беззвучно перекусив проволочные петли, на месте показал ему, как всего удобнее работать, — как пересекать скрученные железные нити возле самых колышков, на которых они крепятся, как нужно оттаскивать потом перерезанную проволоку. . .»

Потом мы ехали в штаб дивизии, а оттуда в Суоярви, где располагалась наша армейская газета «Ленинский путь». Полуторка тяжко пере-

валивалась через кочки на лесной дороге. То и дело на нас скатывались какие-то бочки и ящики, а мы, тесно прижавшись друг к другу, пытались уснуть. Но Лихарев не спал, а что-то бубнил себе под нос.

Спрессованная ненависть к врагу,
Мой верный тол, оружие сапера,
Широкий путь пробил ты сквозь тайгу,
И этот путь забудется не скоро.

Я был, видно, первослушателем стихотворения «Тол», где каждое слово как патрон в обойме. Потом стихи эти получат постоянную прописку в альманахах и хрестоматиях. Но всегда, читая их, я буду вспоминать прореженный снарядами лес, взорванные доты и поэта с усталыми, красными от бессонницы глазами.

В годы Великой Отечественной войны Лихарев работал во фронтовой газете «На страже Родины», состоял в особой писательской группе Политуправления Ленинградского фронта. Трудно перечислить задания, которые приходилось выполнять ему: он летал в Партизанский край, постоянно бывал на передовой, писал стихотворные лозунги и «воззванья к полкам» и, конечно, в краткие минуты отдыха — стихи.

Я спешил их слагать
В блиндажах у Дубровки,
И лежала тетрадь
На прикладе винтовки.

(«Откровенное слово»)

Тяжелая газетная поденщина изматывала, не оставляла сил на отделку строчек. Но участникам обороны Ленинграда они и сегодня напомнят о многом, а молодым читателям помогут увидеть, как добывалась победа.

Никогда еще стихи Бориса Лихарева не были столь густо населены людьми, как в военную пору. Он писал о снайперах и летчиках, саперах и артиллеристах, о женщинах, ставших вместо мужей к станкам и выполнявших фронтовые заказы, о бойцах бытового отряда, приходивших на помощь ослабевшему горожанину. Стихи в блокадную пору ценились как пайка хлеба, как лишняя обойма в подсумке. Недаром Лихарев, говоря о своих собратьях — поэтах осажденного города, не без гордости отмечал: «На любом перекрестке патруль узнаёт нас в лицо».

Солдатские пути-дороги увели потом Лихарева на Крайний Север. Долгих шестнадцать послевоенных лет накопленные там впечатления не будут

давать ему покоя, пока не родится в конце концов книга стихов «Поход к фиордам». В ней рассказывается о том, как советские воины громили фашистов на земле Норвегии. Последнюю из двадцати своих книжек Лихарев назвал «С тобою, жизнь». Это название с полным основанием можно отнести ко всему, что он написал.

Сняв гимнастерку, он по-прежнему оставался на переднем крае, там, где шли новые, на этот раз бескровные, к счастью, битвы, но требовавшие тоже и мужества и доблести. Вместе с первыми эшелонами ленинградских комсомольцев он отправляется поднимать алтайскую целину, вместе с астраханскими рыболовами задумывается о сбережении рыбных богатств страны. Оказавшись в Карелии, он увидел, что синим озерам снится, как вода отдает свою силу турбинам и «током плеснет в провода».

Охотник и рыболов, Лихарев хотел помочь нам понять — «твой санаторий — природа сама». Часто он уходил в лес с ружьем, но больше любил не стрелять, а «подслушивать пенье майских соловьев».

Наконец, все эти годы он работал над стихами, посвященными В. И. Ленину. Они, эти стихи, не

повторяют сказанное другими авторами, а дополняют портрет вождя, который мы храним в своем воображении. Вот старая фотография — Ленин среди демонстрантов:

В тот день Ильич сошел с трибуны,
Вступил как старший в общий ряд, —
И флаги алые коммуны,
Непобедимые, шумят.

(«Старая фотография»)

Незадолго до своей смерти Лихарев дал мне рукопись последней своей книги. В ней было собрано немало стихов о ленинградской блокаде. Стихи заражали бодростью, как бы приподнимали над повседневностью. И он работал над этими стихами до последнего удара сердца. Карандаш выпал из его рук на полуслове.

В стихотворении, посвященном Виссариону Саянову, Лихарев писал:

Вот стоят тома, за все в ответе,
И не умирает их творец.

Это верно не только в отношении Саянова. Эти строчки можно поставить эпиграфом к собранию сочинений самого Бориса Лихарева.

Дм. Хренков

СТИХОТВОРЕНИЯ

ИЗ СТИХОВ О ЛЕНИНЕ

ПОДАРОК БОЙЦА

I

Комната Ленина в Смольном
Помнит былые года.
Молча, с волненьем невольным
Каждый вступает сюда.

Сердцем становится чище,
Здесь побывав, человек.
Это простое жилище
Ты не забудешь вовек.

Стулья в чехлах полотняных,
Коврик потертый для ног,
И за окошком туманный,
Наш, ленинградский денек...

Комнату эту не тесной
Ленин для жизни считал.
Рядом с кроватью железной
Кресло, в котором читал.

С яркой каймою дорожка,
Чтобы не пачкался пол,
Старый диван у окошка,
С лампою письменный стол.

Да над окном драпировка —
Дуло зимой от него, —
Вот вам и вся обстановка,
Лишнего нет ничего.

Это убранство простое —
Ленинской жизни черты,
Ленина сердце живое
Сердцем почувствуешь ты.

Все в этой комнате скромной
Нам о родном говорит.
В рамке ореховой, темной
Зеркальце Крупской висит.

II

Надежде Константиновне в подарок
Красноармеец зеркальце принес.
Как этот миг сердечен был и жарок
И как солдат был искренен и прост!

Стоял он в серой латаной шинели,
В руке ружье — оружие бойца,
Но с каждым словом сказанным светлели
Черты его сурового лица.

«Надежда Константиновна, простите, —
Сказал солдат, — прощанья краток час, —
От всех бойцов подарок наш примите,
Мы знаем: нету зеркальца у вас.

Так пусть не позабыть оно поможет
О чувствах тех, сильней которых нет,
О том, что весь наш полк забыть не сможет
И слово Ильича и ваш привет.

Над нами тьма как будто поредела,
Скорее бы в родной вернуться дом,

Но если революция велела,
Сначала мы ее врагов добьем.

Опять гудит, бушует непогода,
Опять враги грозят родной стране,
Берег я это зеркальце в походах,
На вашей пусть висит оно стене.

Идем на фронт, и с Лениным проститься
Хотели бы товарищи мои. . .»

Всего один подарок здесь хранится,
Но сколько в нем твоей, народ, любви!

1955

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

Еще грозила нам Антанта.
Был трудный год,
Суровый год.
Есть снимок:
Площадь,
Демонстранты,
А в их рядах Ильич идет.

Идет Ильич с улыбкой доброй,
Идет среди простых людей,
Таким его тогда фотограф
Запечатлел для наших дней.

В тот день Ильич сошел с трибуны,
Вступил как старший в общий ряд, —
И флаги алые коммуны,
Непобедимые, шумят.

Зовут в далекие походы,
Зовут в бессмертные года.
Родной Ильич всегда с народом,
С народом будет он всегда!

1956

ШВЕЙЦАРИИ

Прославлены навек озера и поля,
Вершины снежных Альп, швейцарская земля,
Высокогорный лес и воды бурных рек, —
Он знал, он видел вас, великий человек.

Быть может, разговор он с вами, горы, вел,
Когда в далекий путь долиной Роны шел,
Быть может, с высоты свергаясь, водопад
В ущелье здесь гремел его мечтаньям в лад.

Должно быть, потому цветы покрыли склон,
Что горною тропой прошел когда-то он.
Здесь памятью о нем горит в горах цветок,
А сказочный Монблан, как мысль его, высок.

1960

В ПРЕДМЕСТЬЕ ЖЕНЕВЫ

Туда не ведет указатель —
Ни надпись, ни знака стрела,
Но встречным вопрос был понятен,
Молва меня к цели вела.

И вот я в предместье Женевы,
Где яркие клумбы в росе.
Направо гляжу и налево
Вдоль улицы Шмен дю Фойе.

К ограде подвязывал розы
Старик, увлеченный трудом.
К нему подошел я с вопросом:
«Скажи мне, где памятный дом?

Я путник в краю иностранном,
Сюда издалека спешил,
Скажи, где Владимир Ульянов
В года стародавние жил?

Я — русский, обрадуй ответом».
И мне улыбнулся старик.
«Ульянову был я соседом», —
Он так мне сказал напрямик.

А розы на клумбах без счета, —
Весь домик тот в розах тонул.
«Вот здесь у окна он работал».
И ставни старик распахнул.

1960

* * *

Были в Цюрихе краткими сборы,
Как всегда, был готов он в поход.
Так прощайте, швейцарские горы!
Он торопится, Родина ждет.

Бьют по стыкам стальные колеса,
Волны плещут, и стелется дым.
Вот Стокгольма седые утесы,
Скандинавия вновь перед ним.

Расступитесь, просторы морские,
Дай дорогу, безмолвная гладь!
Материнские руки России
Протянулись, чтоб сына обнять.

1960

ЛИСТ С ПОРОГА

Я привез этот листик зеленый
Из далекой поездки моей.
В старом Цюрихе с тихого клена
Он упал у заветных дверей.

Он прилег на высоком пороге,
Словно вечно стремился сюда,
Словно здесь миновали тревоги,
Словно счастье пришло навсегда.

За высоким порогом ступени,
Вот фонарик над ними расцвел, —
Здесь, я знаю, в семнадцатом
Ленин,
Чтоб в Россию поехать, прошел.

Это было в начале апреля.
Ах, как ждал Ильича Петроград!
В старом Цюрихе клены шумели:
«Он теперь не вернется назад.

Попрощался он дружески с нами,
С нашей маленькой горной страной,
Только будет бессмертная память
Расцветать, как деревья весной...»

С одного из них листик в дорогу
Я в Швейцарии поднял и рад:
К Ильичеву стремился порогу —
Пусть со мной он летит в Ленинград.

1960

СОЛЬ

СОЛЬ

Во всех морях, как правило,
Валы всегда горчат.
Недаром нынче славить нам
Эльтон и Баскунчак.

Нас истомила жажда,
Причина тут ясна:
Недаром соль у каждого
В крови растворена.

Над преснотою мира
Ты, соль, сверкни, когда
На остриях градирен
Разодрана вода.

Чтоб жизнь была нам краше
И чтоб остра, как боль,
Чтоб вечно в жилах наших
Свирепствовала соль.

В градирнях ветер примется
Свистать... Он будет прав,
Всю пресноту, все примеси
Водой отмежевав.

Ровней ложитесь, кубики,
Приподнимайся, соль!
Ты будешь по Республике
И отзыв и пароль.

Мы соль земли, мы вкус земли,
Спрессованы в пласты.
И мы мириться не могли
С позором пресноты.

Другой пример не сыщем,
Он горек, свеж и зол...
И взболтан, и насыщен,
И выварен рассол.

1928

КАЗНЬ ДЕКАБРИСТОВ

Тусклой и узкой улыбкой царя
В небе встает, розовеет заря.
Утро. Не слышится шум городской.
Плавает в воздухе белый туман.
Он оседает на лицах росой,
Тонкой сыростью липнет к домам.

Площадь. Трещат, разгораясь, костры.
Шпаги остры, и штыки остры.
Мех киверов насуплен кругом,
Отблески кровью на меди горят —
Вытянулись под барабанный гром
Сумрачные егеря.

Ведут осужденных,
И стонет труба...
О, как рука у жандарма груба:
Рвет боевые жандарм ордена.
Ярче раскручивайтесь, костры, —
Пища богатая нынче дана!

Ставши лицом тумана серей,
Первым выходит Волконский Сергей.
«Будь они прокляты, чин и честь!
Братья, что вольности выше есть?»
В пламя летит военный сюртук,
Жалованный из царских рук.

В битвах пробитый мундир дорогой
Рвет, раздирает, корежит огонь.
«Встать на колени!» — звучит приказ,
Глуше гудит барабанный бой...
Царских надежных жандармов рука
Шпаги ломает над их головой.

Новых выводят зачинщиков смут.
Короток приговор, короток суд.
Петли намылены хорошо —

У палачей не дрогнет рука.
На черном коне генерал Чернышев
Посмеивается слегка.
Но почему же смолкает трубач?
Легкою дрожью пляшет губа...
Трубач глотает откушенный ус,
Смолкает труба, и слышится хруст...
И падают трое, срываясь, подряд,
Гремят по ступеням и катятся вниз.
В грязи, недодавленные, хрипят,
Пузыря кровавую слизь.

Каждый обязан свое получить —
Снова упавших берут палачи...
Пеной покрылся Рылеева рот,
Голос его начинает хрипеть:
«Счастлив... что я... за российский народ
Дважды могу умереть».
Несокрушима царская власть!
Граф Чернышев, потешайся всласть.
Смейся до слез в вырезной лорнет,
Всласть вороного коня горячи...
Заревом ржавым пылает рассвет.
Кончили дело свое палачи...

А в кабинете большого дворца
Рвет воротник трясущийся царь:
«Это несносно в конце концов,
Веки закроешь — плывут круги,
Пять мертвецов хохочут в лицо,
Высунув языки»

1928

ЗА НЕВСКОЙ ЗАСТАВОЙ

Здесь ветер бьет речной и резкий,
Он дымом пахнет, он зовет
Туда, где вытянулся Невский
Судостроительный завод.

Туда, где мех свистит и дышит,
Где вспыхивают огоньки.
Туда, где под стеклянной крышей
Гремят в три смены молотки.

Где вытянувшиеся браво,
Как наша молодость сама,
Оштукатурены на славу,
Стоят рабочие дома.

Я прожил жизни половину,
Но знаю я на все года:
Ты мне — как край отцовский сыну,
Моя застава навсегда.

Пусть ветер бьет речной и резкий,
Меня, как в юности, зовет
Туда, где вытянулся Невский
Судостроительный завод.

1928—1938

ВОДОЛАЗ

Александру Гитовичу

Он еще слышит людскую речь,
Покуда, железом визжа,
Чужая, циклопова голова
Привинчивается к плечам.
В громоздком скафандре
Он не человек:
Он крив, велик и могуч.
Он шага не может ступить по земле
Своей свинцовой ногой;
Его поднимают, его несут,
И руки друзей дрожат.
И волны смыкаются,
Лишь по воде лопаются пузырьки.
Канаты, раскручиваясь, в глубину

Ползут послушно за ним
Единственной связью с нашей землей
Средь чуждой стихии вод,
И тычется в выпуклое стекло,
Заглядывает в глаза
От ярости побагровевшим зрачком
Сплющенная камбала.
Высокие водоросли над ним
Раскачиваются, ожив,
И рыбы мелькают средь темноты,
Быстрые, как клинки.
А люди на палубе, наверху,
Не отрывая рук,
Насосами нагнетают вниз
Воздух его земной.
А люди на палубе, наверху,
За черной стрелкой следят.
Она трепещет, как вздох его,
Отчаянной жаждой жить.
И он достигает самого дна.
И вспыхивает фонарь.
И он, победитель морских глубин,
Осматривается вокруг...
Зачем ты покинул сушу свою?

Лазутчик, поберегись!
Огромными ножницами клешни
Ворочает грузный краб,
Он горло искусственное клешней
Нацеливается перекусить.
Уже приготовился океан
Расплющить тело твое,
И голоса нету, чтоб закричать,
И слух уже умерщвлен
Давленьем четырнадцати
атмосфер,
Тяжестью тусклых вод.
И воздуха нету. Тяни за канат...
И черная стрелка в пляс,
И, жилы растягивая, друзья
Хватаются за рычаги,
И, от напряжения визжа, канат
Наматывается на колесо,
И взорваны воды ударом плеча,
Ударом сверкающих лат.
И, падая с плеч, по доскам гудит
Циклопова голова.
Сразу врываются ветер, и свет,
И воздух, и голоса...

Но он молчит,
он не отвечает...
Лишь пот струится со щек.
Он даже друзьям своим не отвечает,
Ему бы вздохнуть, еще... и еще...

1928

АВИАНАЛЕТ

Не пехотных полков пестрота
Не бряцание конных дивизий —
Неожиданность и быстрота
Избираются нынче девизом.

Отошли времена канонад,
Артиллерия встала на роздых.
Но, как стянутый туго канат,
Загудит неожиданно воздух.

По-ястребиному ринувшись вниз,
Это гудит истребителей стая,
Хищных крыльев пронзительный свист
С каждой секундою нарастает.

Как он сумел, изворотливый враг,
Грянуть врасплох, обойти пикеты?
Поздно. Напрасно взметнулись в мрак
Прожектора, как хвосты кометы.

Ворот разорван, но туже и туже
Горло сдавливает палач;
Кольца век расширяет ужас,
Воздух отравленный горек, горяч.

А затем тишина. И столетья
Поворачивают разбег,
Свищет в улицах вольный ветер,
Первобытный падает снег.

В одичалой, в сырой, в суровой,
В допетровской черной ночи;
В окнах мертвых, как в дуплах дубовых,
Круглоглазые стонут сычи.

Мира нету, и тыла нету.
Фронт в тылу! На последний спор,
На иудин удар — ответом
Флот Союза вверху распростерт!

Новый день качается утло,
Но до поздней, ночной поры,
По столицам, как в гулкие дупла,
Бьют строителей топоры.

1928

* * *

Человечеством правит врач!

. . . .

Подчиняющийся врачу,
Я вручил ему первый плач
И предсмертный свой хрип вручу.

Он стоит, как в морях маяк.
Для него, что суров и хмур,
Все невзгоды, вся боль моя
Только смена температур.

Ах, обличью его дивись,
Еле сдерживая восторг;
На щите у него девиз —
Имя громкое «Медснабторг»!

В светлых латах из полотна
Он, как рыцарь, проходит вдаль,
Лишь поблескивает, холодна,
Хирургических лезвий сталь.

Долетает издалека
Торжествующая латынь,
Как в мифические века
Отливающая золотым.

Он позвал меня за собой
В дом высокий и светлый свой...
Я налево взглянул, и вот
Щеки мне покрывает пот...

Пес, распластанный на доске,
Издыхает в немой тоске.
И желудочный льется сок
В гуттаперчевый желобок.

Я направо взглянул, и вдруг
Горло мне захлестнул испуг...
Там зеркал отраженный свет
Озаряет огромный мир

Вибрионов и спирохет,
Он над миром их командир!

Ядовитые бьют хвосты,
Угрожающий страшен рост
В жалкой капле сырой воды
Их не меньше, чем в небе звезд.

Человечеством правит врач!
. . . .
Подчиняющийся врачу,
Я вручил ему первый плач
И предсмертный свой хрип вручу.

Январь 1929

КАСПИЙ

По слову весны, по воле воды,
По щучьему повеленью,
С последних верховий ударили льды
Над мартовской спячкой тюленьей.

Весна не обманет, река не соврет —
Мотня до отказа не ересь,
Когда проплывает подводный народ
На икрометанье, на нерест.

И тут настает, позабыв берега,
Пора промысловой работы:
В белужью тушу летит острога,
Дрожат от живцов переметы.

Рыбак расправляет пеньковую сеть,
А в помощь ему сынок.
Стеной проплывает веселая сельдь —
Каспийский пузанóк,

Налим подцеплен за губу,
Налим сгибается в дугу,
Он бьет хвостом и вкось и вкривь,
Но по привычке молчалив.

Колдуют над ним,
Мудруют над ним,
Свою проявляют власть.
И чувствует огорченный налим,
Как печень его разрослась.

А рыба выкидывает антраша
Под блещущим острием.
И солят, и вялят, и потрошат,
И в бочки вбивают ее.

Вот это так промысел, черт подери!
Под стать моему ремеслу —
Тяжелую рыбу за жабры бери,
Моря подчиняй веслу.

Покуда зевают язи наверху
Еще неуснувшей добычи,
Ершом рыбаки заправляют уху,
Справляют рыбачий обычай.

Навар закипает. Дымят казаны,
И время приходит рассказу —
И те лишь рассказы здесь оценены,
Что с правдой не знались ни разу.

1929

У КОСТРА

Мы шли в лесу. Мы мяли мох.
Усталость в дороге — вздор.
Воскресный отдых был неплох
Средь Дудергофских гор.
Спартанская утварь в холщовом мешке.
Фляжка на ремешке.
Нам путь не заказан. Лощины, овраги,
Предательство кочек — все нипочем.
Кустарник царапает черные краги,
Деревья роняют росу на плечо.
Но вечер с товарищами нас застает,
И лес перед нами стеною встает.
Теперь дороже всего как раз
Костра смоляная гарь...

Но, орды свои ополчая на нас,
Трубит комариный царь.
Нас окружает, берет в полон
Летучая нечисть, крылатая мразь.
Она подоспела со всех сторон.
Крошечных лезвий протяжный звон
В тело наше впивается всласть.
Хвороста треск. Дым... Жар...
Искра параболой бьет,
И падает первый подбитый комар,
Как вражеский самолет.
Дохнут в дыму, трещат от жары,
Воют в ужасе комары;
Мы сушим рубахи, кашу едим,
Греемся у огня.
Мы ночь коротаем, мы следим
За наступлением дня.
Заря растет за вершком вершок...
Уходят на запад ночные ветра.
Фляжка. Краги. Заплечный мешок.
«Вставай, товарищ! Пора».

Июнь 1929

ЯСНОЕ УТРО

* * *

Не знаю, что лучше:
В ромашках поля,
Поемный простор луговин,
Над степью летящие ввысь тополя
Иль гроздья осенних рябин?

А может быть, реки, что вдоль берегов
Текут и не знают конца,
А может быть, горы в сиянье снегов,
Что входят, как сказка, в сердца?

А может быть, море, где отблеск зари,
Открытой дыханью ветров,
А может быть, просто селенья твои,
Созвездье твоих городов?

Мой радостный край населяют друзья,
И все они вместе — народ,
И сам я — частица его бытия,
Пока моя песня живет.

1938

* * *

В краю, где заветные сказки
Хранятся для резвых внучат,
Где, щурясь, анютины глазки
На солнце из чащи глядят,
Где шепчутся с ветром осины,
Где полночь, как полдень, светла,
Где след потерялся лосиный, —
Там наша тропинка прошла.
И с этого времени снится
Твоя, Заонежье, тайга,
Где пади красны от брусницы,
Где в мае черемух стога.
Мне снится озерная влага
И роща в узорах зари,

Где, ярче рябиновых ягод,
Мелькают в кустах снегири.
И многих напевов дороже
Напевы твоих родников,
Как песни твоей молодежи,
Как были твоих стариков.

1947

МАЛЬЧИК

В гимнастерке отцовской, в буденовке
дедовской
Мальчик плыл на рыбалку по ламбе глухой.
Над болотами хмарь, за рекою неведомой
Пахло в воздухе ранней журавлиной весной.

Плыл он с легким веслом, на долбенке осиновой,
Ставил верши и сеть — самодельную снасть —
И, прищурясь, глядел на рассветную киноварь,
Что на синюю воду огнем пролилась.

И мечталось — причалит он к берегу новому,
И мечталось — работой прославит страну,
И засеет озера мальками сиговыми,
И с алтайскими кедрами сдружит сосну.

1947

ОЗЕРО

Светает в Карелии старой.
И гладью сверкающих вод
Беспечная птица гагара,
Камыш огибая, плывет.

Как все здесь от века
красиво.
На скалах чернеют боры,
В колхозе «Великая нива»
Чуть слышно стучат топоры.

Там в землю вбиваются сваи.
По воле упрямых людей
Плотина, ряжи поднимая,
Вот-вот перекроет ручей.

Все чаще, все громче удары,
Все выше плотина растет.
И пробует крылья гагара,
Пора ей, беспечной, в отлет.

А озеру синему снится,
Как с дивною силой вода
По желобу вдаль устремится
И током плеснет в провода.

1948

* * *

И. С. Соколову-Микитову

На Таймырском полуострове,
На студеном берегу,
Сквозь порывы ветра острого
Пела пуночка в пургу.

Вился жаворонок северный,
Рвал метели пелену,
Все упрямей, все уверенней
Славя близкую весну.

Под внезапной вьюгой с полюса
Не хитро оледенеть,
Но хватило птичке голоса,
Чтобы песенку пропеть.

И весны чудесной вестнику
Был мой друг сердечно рад.
И привез он эту песенку
К нам — с Таймыра — в Ленинград.

И рассказывает каждому,
Как услышал он в пургу
Песню пуночки отважную
На студеном берегу.

1949

ПАСТУШКА

Овцы бродят вдоль опушки,
Возле мшистых валунов.
На одном из них пастушка
С книжкой пушкинских стихов.

Колокольчик брякнет звонко,
Шершень басом пропоет,
Оглядит овец девчонка,
В книжке лист перевернет.

В летний день светает рано,
Ясен летний небосклон —
Про Онегина с Татьяной
Зачиталась до полден...

Если будешь в той сторонке,
Возле мшистых валунов,
Передай привет девчонке,
Той, что с книжкою стихов.

[1958]

* * *

Ночью грянул мороз,
Дунул ветер с залива,
И поблекли цветы,
Побелела трава,
Онемели ручьи,
И, как дивное диво,
В одночасье с деревьев
Упала листва.

Ворохами цветными
Легла она в ноги
Тонкоствольных берез,
Злополучных осин.
Разом рухнула вся

На лесные дороги,
И на черных ветвях
Хоть бы листик один.

Только ель да сосна
Перемены не знают
И гордятся упрямой
Зеленой хвоей,
Потому что густа у них
Кровь смоляная,
Узловатые корни
Крепки под землей.

1950

* * *

Лягушки по теплым разводьям
Расселись — куда ни взгляни!
По всем травяным мелководьям
Расквакались хором они.

А я на прибрежной опушке
Заслушался их дотемна.
Уж если запели лягушки,
Так, значит, и вправду весна!

1955

ЛЕСНОЕ ЧУДО

Лось шагнул через кусты,
А в кустах скрывался ты.

Лось пошел к ручью лесному
Напрямик по бурелому.

А затем он дымной ранью,
Встал, подобный изваянью.

Капли гулкие воды
Побежали с бороды.

А затем он куст пригнул,
Лег на землю и уснул.

Тишина настала всюду,
Только сердце бьет в груди.

Пусть поспит лесное чудо. . .
Ты его не разбуди.

Декабрь 1955

В ДЕКАБРЕ

От инея куст серебрится,
Студеная меркнет заря,
Но цвинькает звонко синица —
Она соловей декабря.

Мороз нипочем ей трескучий,
И вьюга ее не уймет,
Вот резвая скачет по сучьям,
Веселые песни поет.

Пусть хмурится небо седое,
Но песни ее все звончей,
Крыло на атласном подбое,
Янтарная шейка у ней.

И роща, взойдя на пригорок,
Задумалась, вся в серебре. . .
Нам в мае соловушка дорог,
Синица мила в декабре.

1955

ЯСНОЕ УТРО

Разбужена уткой горластой,
Очнулась от дремы река.
Прошел турухтан голенастый
На отмель искать червяка.

В кустарнике, в чаще прибрежной,
В заветном родимом краю
Малиновка голосом нежным
Прославила первой зарю.

И разная певчая мелочь
Речной огласила простор.
Вьюрок на тростинке умело
Качнулся, приветствуя хор.

Так что́ же ты медлишь, приятель?
От крепкого сна пробудись,
Вставай поскорее с кровати
И с песней за дело берись.

1958

НА ТОКУ

Вот повеяло весною,
Прелестью земной,
Над родимою, лесною
Милой стороной.

Брезжит утро,
Спят тетеры,
Снег в оврагах бел.
Грузно тетерев матерый
На землю слетел.

Он зовет, шипя от злости,
Недругов на бой.
Белизной горит подхвостье,
Горло — синевой.

Громкий клич леса тревожит.
Вот он ждет ответ,
Без него весна не может
Начинаться, нет!

Пусть летят к нему с деревьев
Те, кто слышал крик.
Он повыщиплет им перья —
Старый токовик.

Тянет свежестью болотной,
Небо все светлей,
Будь, охотник, благородным —
Старика не бей.

1958

ВЕСНОЙ

Север мой, застенчивый и скромный,
Мне твоя знакома красота,
Без ружья и снасти рыболовной
Я пришел в заветные места.

Покажи мне листьев появленье,
Вербный цвет, обрызганный зарей,
Все мои тревоги и волненья
Унеси апрельскою волной.

Либо зяблик, зимородок либо,
Дивного веселья не тая,
Все кричит на ветке: «Прибыл,
прибыл!»
Радуется родине, как я.

Пусть меня обходчики не ищут,
А найдут — простят мою вину,
Что на глухарином токовище
Тост хочу поднять я за весну.

1958

ХУДОЖНИК

С. С. Писареву

Там, где плещет Онега,
Есть шалаш для ночлега.
Был коротким вечерний привал.
Я шалаш тот покинул,
Торбу на плечи вскинул,
Путь на Шалу по компасу взял.

Возле Шалы туманной
Выгнут берег песчаный,
Спят холмы под навесом хвои.
Зори огненной меди,
А в трущобах медведи
Залезают от мошек в ручьи.

И, согласно поверий,
Мыс открылся мне Пери,
Где мой пращур на выступах скал,
На заре поколений,
Лебедей, и оленей,
И стрелу, и топор начертал.

Это знаки событий,
Чтобы нам не забыть их.
Здесь провел я всю ночь досветла...
Нам бы так же трудиться,
Чтоб любая страница
Как наскальная надпись была.

1958

СОБАКА

В начале каменного века
Зажегся свет,
Распалась тьма.
И ты, поверя в человека,
К его костру
Пришла сама.

Чернели грозные деревья,
Листвой волшебной шевеля,
Когда легенды и поверья
Слагали небо и земля.

Как был тот дикий мир тревожен!
Но человек —
Творец огня —

Тебе доверился он тоже.
С тех пор и стали вы
Друзья.

С тех пор несешь ночную стражу,
Спешишь на бой с его врагом,
Пасешь стада,
Везешь поклажу,
Хранишь детей его и дом.

И ты судьбой гордиться вправе.
Прошли чредой за веком век,
Тебя не раз
Как друг прославил
И возвеличил человек.

В пустыне Арктики холодной,
В тайге Сибири снеговой —
С тобою подвиг благородный
Он разделял, товарищ твой.

Следя с волненьем за тобою,
К вершинам знаний люди шли,
Чтобы открытье мировое
Свершить для блага всей земли.

Нет,
Человек не безответным
К тебе был в чувствах,
И, любя,
Не раз он в мраморе бессмертном
Увековечивал тебя.

Теперь, в мечтаньях дерзновенный,
Он проникает в глубь высот,
И ты
Разведчицей вселенной
Им посылаешься
Вперед!

Идешь, и в дружбе нет сомненья,
И славой другу своему
Звучит твое сердцебиенье. . .
И снова свет пронзает тьму!

[1958]

КЕМ ОХОТНИК БЫВАЕТ

Кем охотник бывает?
Он бывает бойцом,
Если зверя встречает
По-солдатски — свинцом.

Пехотинец в походе,
На реке понтонер,
В полночь к чаще подходит,
Здесь ведет он дозор.

И в любую погоду,
Дивной силой влеком,
Он бросается в воду
За ничтожным чирком.

Снегом поле покрыто,
И на озере лед,
И тогда следопытом
Он за зверем идет.

Строит в дебрях шалашку,
Как бывалый сапер,
Делит братскую фляжку,
Разжигает костер.

И сидит обогретый,
Начинает рассказ.
И бывает поэтом
В этот сказочный час.

[1958]

ВОЕННОЕ БРАТСТВО

ЛАГЕРНАЯ

Враги готовят войны,
Таится в тучах гром...
Товарищ, будь достойным
Республики бойцом.

Учись метать гранату
Без промаха в щиты,
Взбираться по канату
До должной высоты.

Учись ходить по бревнам
В скользящих сапогах
Уверенно и ровно
С винтовкою в руках.

Учись для большей пользы,
Для пользы боевой, —
Под проволокой ползай
Колючей и густой.

Учись, товарищ, бегу,
Прыжкам и вдоль и ввысь
Бросаться смаху в реку
Бестрепетно учись.

И в лагере, и в поле,
В походе, и в цепи
Сознательность, и волю,
И выдержку крепи.

[1933]

ГРИГОРИЙ СЕНЧУКОВ

В отряде было сорок сабель.
Кони
В крови и в мыле.
Вой катился с гор.
И некуда укрыться от погони,
От басмачей, что мчат во весь опор.

Их сотен семь,
Полно ущелье ревом.
Отряд в кольце басмаческих клинков.
Тогда, вооружившись «дегтяревым»,
С коня сошел Григорий Сенчуков.

Орденоносец.
Лучшим командиром
Он был в полку.

Спокоен, прост и тверд —
Он в двадцать первом
Гнался за эмиром,
Как говорится —
Был сквозь терку терт.

Он слез с коня.
Врагов он не пропустит.
Он стер с лица ладонью кровь и пот,
Он из камней сложил надежный бруствер,
Он закрепил на сошках пулемет.

За ним бойца послали,
Но, упрямый,
Он закричал:
«Еще я командир!»
Он диск вложил,
К земле прижался раной.
«Вот мой приказ:
Я остаюсь один!»

Храпят карабаиры боевые.
Счастливого, товарищи, пути!
Отряд уходит в горы снеговые,
А Сенчуков остался позади.

О чем он думал средь пальбы и визга,
Припав к земле, на все готовый, злой,
Когда вращеньем яростного диска
Вопящий опрокидывало строй?

Средь бурых скал, бесстрастных
и унылых,
И в небо улетающих вершин
Так триста греков бились в Фермопилах,
Тех триста было —
Этот был один.

Враги его обходят,
Нет надежды,
Пустеет диск,
А раны горячи.
Сверкнул клинок,
И рвут с него одежду,
От злобы задыхаясь, басмачи.

Так он лежал, окончив бой тяжелый,
Широк в плечах, и молод, и красив.
Бек Ибрагим с усмешкой невеселой
Над ним склонился, лошадь осадив.

Басмач с полсотни насчитал убитых.
А он — один.
На этом кончен спор.
Копытом в камень брякнул конь сердито,
И вздрогнул бек,
Потупил в землю взор.

И тронулись, и строй их был неровен,
Тюрбаны закачались невпопад,
А в небе мерк, изнеможен от крови,
Весь в дыме, в пепле, в ржавчине закат.

1936

ТОВАРИЩУ ЛЕТЧИКУ, ВОЕВАВШЕМУ В ИСПАНИИ

Ведет перекличку тревожное утро,
Заря над Мадридом встает,
И летчик, товарищ мой,
С ветром попутным
Торопится в дальний полет.

«Как звать тебя, сокол?»
Но скроется сокол,
Лишь в небе пропеллера гром;
Заоблачным краем, дорогой высокой
Летит он на битву с врагом.

Под ним дорогие сияют просторы
Навеки любимой земли —
Поля, и равнины, и снежные горы,
И синее море вдали.

И страх соколиному сердцу неведом,
Оно устремляется в бой,
И знает боец — эскадрильи победы
Еще прошумят над землей.

А если погибнет он, полный отваги,
Друзья загрустят на заре
О Пьере в Париже,
О Петере в Праге,
А я загрущу о Петре.

1937

ДРУЖБА

Под Гатчиной в битве
ударила вражья граната,
Зазубренной сталью
товарища ранила в грудь.
Врачей не отыщешь.
Дорога трудна к Петрограду.
И здесь начинается этот,
входящий в бессмертие путь.

Осенняя свищет
в пустынных полях непогода
Над мглою покрытым,
над желтым,
над смутным жнивьем.

Крестьянская к Питеру
медленно едет подвода.
Война и ненастье,
дорога размыта дождем.

С боков за телегой
в молчании люди шагают,
В солдатских шинелях,
в матросских бушлатах они,

А в сумерках пушки
за дальней горой громыхают,
Как синие молнии,
выстрелов блещут огни.

Там в пламени грозном,
в боренье великом
и в громе,
В геройстве и в муке
кипит нестихающий бой.
А здесь на измятой,
на тряской,
на смертной соломе
С разбитою грудью
товарищ лежит молодой.

Он просит: «Оставьте,
туман поднимается в поле.
Мне жить не придется —
глубокие раны горят».
На рытвинах глухо
он стонет сквозь зубы от боли:
«Прощайте, ребята,
навеки прощай, Петроград!»

Но молча подходят
к подводе крестьянской ребята,
Безмолвную клятву
от самого сердца дают.
Снимают шинели,
в молчанье снимают бушлаты,
Снимают рубахи
и в грязь под колеса кладут.

И снова крестьянская
к Питеру едет подвода.
Война и ненастье.
Забылся боец молодой.
Осенняя свищет
в пустынных полях непогода.

И в сумерках пушки
гудят за далекой горой.

Да здравствует дружба,
что славой нетленной покрыта!
Она утверждает
над смертью самой торжество.
Да здравствует дружба!
Не будет она позабыта
В преданьях народа,
в былинах
и в песнях его.

1937

КАРЛ РОМЕТ

В. Р—и

Карла Ро́мета, родом из Вильны,
Провожает на фронт Петроград.
Вижу, трактом гремящим и пыльным
Выступает на Ямбург отряд.

Кузнецы с машинистами рядом,
И кронштадтцы в едином строю.
Ромет молча уходит с отрядом
За великую правду свою.

А глаза у него голубые,
Как балтийское небо весной. . .
Петроградки вздохнут молодые,
Покачают вослед головой.

И приходят тревожные вести,
Словно дальние пушки гудят,
О боях в детскосельском предместьи
И о гибели лучших ребят.

Будто Ромет в бою небывалом,
За Ижоры глухим рубежом,
Под широким полотнищем алым
Защищается финским ножом!

Будто ранен он пулей жестокой,
В блеске сабель и в храпе коней,
Только старый с Путиловца токарь
Заслонил его грудью своей.

1938

ПРОЩАНЬЕ

До свиданья, семья,
До свиданья, друзья,
До свиданья, до встречи, подруга!
Я в могучем строю
За отчизну встаю,
Так обнимемте дружно друг друга.

Службы воинской год
Для меня настает,
Заиграла труба полковая,
Мне винтовку дадут,
Мне коня подведут,
Здравствуй, армия наша родная!

Ворошилов зовет,
До свиданья, завод,
До свиданья, простор мой колхозный!
Здравствуй, воинский год,
Здравствуй, первый поход,
Здравствуй, шашка да шлем
краснозвездный!

До свиданья, отец,
Сын твой нынче боец,
И не будет на сердце печали.
А знамена шумят,
Барабаны гремят,
Молодых командиры встречают.

До свиданья, семья,
До свиданья, друзья,
До свиданья, до встречи, подруга!
Я в могучем строю
За отчизну встаю,
Так обнимемте дружно друг друга.

1936

ТОЛ

Спрессованная ненависть к врагу,
Мой верный тол, оружие сапера,
Широкий путь пробил ты сквозь тайгу,
И этот путь забудется не скоро.

Где слово ты промолвил, там, взгляни,
Глубокая в земле чернеет яма.
Деревья в два обхвата, камни, пни
Ты опрокинул, действуя упрямо.

Ты шел, с размаху надолбы круша.
Обугленная помнит Луисвара,
Как веерами бревна блиндажа
Приподнялись от точного удара.

И падал враг. И с громом в небеса
Летел бетон, железо в жгут свивая.
Гора тряслась, и рушились леса, —
Работала стихия огневая.

А мы, готовя к действию фугас,
Надкусывая капсули зубами,
Не думали, что, может быть, и нас
Твое заденет бешеное пламя.

Мы жизни наши вверили тебе,
Бикфордов шнур окурком прижигая
И на привале в брошенной избе
На жестких связках тола засыпая.

Но ты был другом другу своему,
Оружие сапера боевое,
Над головами нашими сквозь тьму
Промчались глыбы в скрежете и вое.

Ты все сказал. Дополнить не могу.
Ты позовешь, тогда откликнусь вновь я.
Спрессованная ненависть к врагу,
Ты, как стихи, не терпишь многословья!

1940

СНЕГИРЬ

Над землянкой сосна вековая,
Артогнем перепаханный лог...
А на ветке сосны, распевая,
Красногрудый сидит снегирек.

Весь он алого пуха комочек,
Весь он рдеет в морозном огне.
Улыбнулся боец-пулеметчик,
Душу тронула песня и мне.

Звук протяжный, задумчивый, милый
Чутким ухом прилежно ловлю.
Ах, с какою внезапною силой
В сердце хлынуло все, что люблю!

Над землянкой сосна вековая,
Артогнем перепаханный лог...
Что сулишь ты нам в песне, не знаю,
Но спасибо тебе, снегирек!

1940

* * *

Написал я все, что надо,
А увижусь — доскажу.
А теперь письмо солдата
Треугольником сложу.

Угол первый — самый главный.
Этот угол я загну, —
Чтоб с победою и славой
Мы окончили войну.

Я сложу края второго,
Вот и вышел уголок, —
Чтоб вернуться мне здоровым
На отеческий порог.

Ну а третий, ну а третий
В честь твою сложу скорей, —
Чтоб тебя, как прежде, встретить
И назвать тебя своей.

Так лети с приветом жарким
На заветное крыльцо,
Треугольное, без марки,
Фронтовое письмецо!

1942

У ДЕРЕВНИ

У деревни Замостье сосновый лесок.
Там лежал партизан из отряда «Ударник».
Беспощадная пуля пробила висок,
Навзничь парень упал в придорожный кустарник.

Возле пояса были, от крови красны,
Две гранаты, подсумок, походная кружка
И, качаясь на ветке зеленой сосны,
Немудреную песенку пела пичужка.

Но что больше всего я запомнил тогда,
На поляне лесной у деревни Замостье,
Что мне врезалось в душу мою навсегда, —
Лист лесной земляники у мертвого в горсти.

Зашумели вершины далеких берез,
И над Рдейским болотом поплыли туманы,
Ветер прядку поправил белесых волос,
Наклонились над другом друзья-партизаны.

А судьба мертвеца уходила в молву!
Если б мог он, сказал бы с волненьем великим:
«Я любил эту землю, и лес, и траву,
Треугольные листья лесной земляники.

Я не дрогнул в последнем жестоком бою,
И ответная пуля летела не мимо!
Отомстят за меня, за Россию мою!
Даже мертвым держусь я за то, что любимо!»

1942

ЛЕНИНСКИЙ БРОНЕВИК

Есть легенда, что в полночь блокадную
К фронту,
К Пулкову напрямик,
Там, где стыли дороги рокадные,
Прогремел Ильича броневик.

Словно свитки багрового пламени,
Кумача развевались концы.
«Ленин жив!» —
Прочитали на знамени,
На развернутом стяге бойцы.

Это было всего на мгновение
До начала грозы боевой,
До сигнальных ракет к наступлению,
Озаривших снега над Невой.

И когда под раскатами гулкими
Шли мы в битву,
То нам,
Хоть на миг —
Возле Марьина, Ропши и Пулкова —
Всюду виделся тот броневик.

1943

ЗНАКОМЫЙ КРАЙ

Знакомый край, скала горбатая,
Полузаросшая травой.
Тут с отделением когда-то я
Прошел дорогой фронтовой.

Вот здесь в разведку в ночь ненастную
Я вел испытанных ребят,
Вот здесь в снегу тропинка красная
Вилась в далекий медсанбат.

Вот здесь я слышал грохот выстрела
И свист свинца над головой,
И грудь врага в прицеле высмотрел
Уж не за этой ли сосной?

Шагаю вновь дорогой пройденной
В солдатской юности моей.
И говорю я: «Здравствуй, родина!..»
Что в мире родины милей!

1948

ДРУЗЬЯМ

С кем дружил я дружбой самой честной,
С кем делил походы, песни, труд?
Адреса друзей моих известны,
Позову — и все они придут.

Пусть одни за дальними горами,
А другие странствуют в морях,
Я могу друзей считать полками,
Потому что был я в их полках.

1958

ВИССАРИОНУ САЯНОВУ

На рассвете юности волшебной,
У истоков песенной мечты,
Ищет сердце дружбы задушевной,
И ее обеты принял ты.

Я с тобой делил стихи и прозу,
Миг веселья, горе, ратный труд,
Вплоть до тех склонившихся березок,
Что над светлой памятью растут.

Но шумит с Олёкмы вешний ветер,
Разве смерть — действительно конец?
Вот стоят тома, за все в ответе,
И не умирает их творец.

1959

ОТКРОВЕННОЕ СЛОВО

ЛЕНИНГРАД

Люблю Ленинград я великой любовью,
Как только умеет любить человек,
Всем сердцебиеньем, дыханьем и кровью,
Любовью всей жизни, любовью навек.

За что я люблю его, общую участь
Деля с ним по-братски, как хлеба кусок?
За то, что прекрасен он в солнце и в тучах,
За то, что он яростен, ясен, высок.

За то, что он первенец славы народной
С петровской поры и до нынешних дней,
За то, что он воин, в строю благородном
Всей верностью верен отчизне своей.

За то, что в нем люди, как он, исполины.
Они — ленинградцы, и в этом их честь.
За то, что наш город — он весь, как былина,
Он весь, как поэма, симфония весь.

За то, что завидовать будут нам внуки,
Взирая на подвиг войны и труда,
За то, что, не дрогнув, безмерные муки
Любые претерпит — позор никогда.

К твоим, Ленинград, я стопам припадаю,
К святыням твоим прикасаюсь, любя,
И юности клятву я вновь повторяю:
Во всем и всегда походить на тебя.

Во всем походить на тебя — и в работе,
Во всем походить на тебя — и в бою.
Дай жить мне вот в этой великой заботе,
В твоем мне навеки родимом краю.

1958

ЛЕНИНГРАДКА

Навсегда дорогой, неизменчивый,
Облик твой неподкупен и строг.
Вот идет ленинградская женщина,
Зябко кутаясь в темный платок.
Путь достался не близкий, не маленький,
Тяжко ухает пушечный гром.
Ты надела тяжелые валенки,
Подпоясалась ремешком.
А в суровую полночь морозную
Из-за туч не проглянет луна,
Ночь распорота вспышками грозными,
В мирный дом твой ворвалась война.
Только нет, не распалась рабочая,
Трудовая большая семья —

В санитарках, в дружинницах дочери,
В батальонах твои сыновья.
И любые осилишь ты горести.
Как спокоен и светел твой взгляд!
Сколько в сердце у матери гордости:
Дети, родина, честь, Ленинград!

1942

КОРАБЛИК НАД ГОРОДОМ

На Адмиралтейства остром шпиле,
Там, где он пронзает небосвод,
Золотой кораблик водрузили,
Чтобы любовался им народ.

Но была мечта у верхолаза —
Он хотел, пьянея высотой,
Чтобы путь свой дерзостный ни разу
Не менял кораблик золотой.

Он стальное дал ему крепленье,
Он сказал кораблику: «Лети!
Ни одно воздушное течение
Не сумеет сбить тебя с пути».

В бурном небе, словно в бурном море,
Средь кипящих гребней облаков,
Паруса расправив на просторе,
Держит путь кораблик в даль веков.

Паруса на мачтах не ослабли,
Он летит сквозь бури и года.
Ленинградец, будь как тот кораблик,
Смелым будь и верным будь всегда.

1955

КОМАНДИРОВКА

Кто во тьме сигналит, друг ли, враг ли,
Средь лесов бескрайних, средь болот?
Между трех пучков горящей пакли
Приземлился в полночь самолет.

Мы с пилотом вынули наганы.
Но звучит нам отзыв на пароль.
Всё в порядке. Братья партизаны,
Принимайте сахар, тол и соль,

Принимайте шнур бикфордов, спички
И четыре ящика гранат.
Принимайте двадцать штук отличных
Бронебоек марки «Ленинград».

Спрашивают имя. Отвечаю.
Вот меня проводят к шалашу.
Вот мою путевку отмечают.
«А стихи привез ли?» — «Напишу!»

И, закинув за плечи винтовки,
Мы ушли. В лесах потерян след...
В творческих бывал командировках,
Но скажу, что лучше этой нет!

1956

ГОЛУБИ

На углу нашей улицы,
Утром, в полдень и вечером,
Там, где кормятся голуби,
Появляется женщина.

Птицы шумно слетаются,
Вьются, неугомонные,
Им пшено покупается
На рубли пенсионные.

И старательно женщина
Сыплет зерна на улице.
То, вздохнув, улыбается,
То внезапно нахмурится.

Здесь в годину военную,
Скорбью многих отмеченный,
Пал, осколком подкошенный,
Младший сын этой женщины.

Там, где кормятся голуби,
Мы, блокадники, видели
В горе мать безутешную.
Осторожней, водители!

Осторожней, прохожие
И вагоновожатые,
Пусть покормятся голуби,
Мира други крылатые.

1956

ПУЛЕМЕТЧИК

Партизану —
Герою Советского Союза
Михаилу Харченко

Когда пулеметчик в ударе,
Он ливень свинцовый обрушит,
И воют фашистские твари,
Спасая поганые души.
И очередь гулкая длится,
Как будто бы рвутся полотна,
И мертвые Гансы и Фрицы
На небо шагают повзводно!
Когда пулеметчик в ударе,
Враги, не надейтесь на милость, —
В груди пулеметчика ярость,
В зрачках его смерть поселилась.

«Наддай! — прокричат партизаны, —
Наддай им по-своему, Мишка!»
И хлещет огонь ураганный,
Фашистам воистину «крышка».
И лошади бьются в постромках,
Вопят обалделые немцы,
Как очередь, ровно и звонко
Стучит пулеметчика сердце.
За дом рассчитается отчий,
За все рассчитается парень...
Хороший у нас пулеметчик,
И он постоянно в ударе.

1943

ПЛЕННИК

Памяти юного партизана
Юры Иванова

Десятилетка за плечами
И взгляд упрямый у него. . .
Он был истерзан палачами,
Но он не выдал ничего.
И мимо церкви деревенской
Дорога смертная легла.
Тогда, вздохнув, с улыбкой детской
Он посмотрел на купола.
«Хотел бы я перекреститься,
Да только рук мне не поднять,
Хотел бы богу помолиться. . .»
И немец крикнул: «Развязать!»

И усмехался немец гадко,
Что, дескать, кривда верх взяла,
А пленник хмурился, и складка
Между бровей его легла.
С таким лицом идут на битву.
Удар — и сшиблен немец с ног.
«Вот партизанская молитва,
Я рассчитался так, как мог!»...
Он был расстрелян палачами,
Но он не выдал ничего...
Десятилетка за плечами
И взгляд упрямый у него.

[*1943*]

БУЛКА

Так начинался день на Пулковской,
На знаменитой высоте.
С утра фашист дразнил нас булкой,
Ее вздымая на шесте.

Она, роскошная, большая,
Была отлично нам видна,
И на переднем нашем крае
Тут наступала тишина,

И лишь сердца стучали гулко.
Ты не забудешь, милый друг,
Как на шесте качалась булка,
Стоял безмолвен политрук.

Затем мой тезка, минометчик,
Сглотнув голодную слюну,
Ее сшибал ударом точным,
Истратив мину лишь одну.

И шли мы завтракать в землянку,
Стряхнув с колен окопный снег.
Там хлеба черного буханка
На восемнадцать человек,

На четверых черпак баланды —
Вот все, что полагалось нам.
Не дожидались мы команды,
Чтоб расходиться по местам

И вновь примерзнуть к пулеметам
По всем постам сторожевым,
По ложементам, и по дзотам,
И нашим точкам огневым.

За нами были горе, голод. . .
О, как нам ярость сердце жгла!
За нами был наш гордый город,
За нами жизнь его была.

1957

В БЛОКАДНУЮ НОЧЬ

На Марсовом, в морозной, дымной мгле,
Зенитных пушек помню очертанья,
Внезапный гром и почвы содроганья, —
Нарушен был героев сон в земле.

И Толмачеву Сиверс молвит: «Брат,
Опять враги республике грозятся,
Бойцов скликает пушечный набат,
А нам с тобой на зов не отозваться».

Так говорит он другу своему.
В ответ гремит полночная тревога.
Лучами неподатливую тьму
Прожектора обшаривают строго.

И вдруг запрыгал в огненном кругу
Фашистский ас, и ждет его расплата.
Равняются прицелы по врагу,
Надежен грунт зениткам для отката.

И тысячи за ним следящих глаз
Увидели, как с неба Ленинграда,
Задев дубы Таврического сада,
Упал на землю сбитый нами ас.

Все кончено, уснем на краткий час.
Молчат посты, грома́ отгрохотали...
Мы не одних живущих, мы и вас —
И мертвых мы тогда оберегали.

Простите нам, что яростный тротил
Тревожил ваши славные могилы.
Ведь если бы возможным это было,
На помощь нам вы встали б из могил.

1958

ОТКРОВЕННОЕ СЛОВО

Мой отыщется след
Там, где шли мы в походы,
И в подшивках газет
За блокадные годы.

Там немало стихов —
Все я вспомнить не в силе —
С описаньем боев,
Указаньем фамилий.

Я спешил их слагать
В блиндаже у Дубровки,
И лежала тетрадь
На прикладе винтовки.

В наши мирные дни
Нет их в книжном изданье,
Погибали они
Там, где рушились зданья.

Многих, жарких до слез,
Вы нигде не найдете,
К партизанам их свез
Я в ночном самолете.

Их наборщик убит,
И убит их редактор.
Пусть читатель простит —
Стал забывчивым автор.

И стихов этих строй
Как военное братство:
Лишь на первый-второй
Им дано рассчитаться.

Сколько было стихов,
Посвященных солдатам,
На страницах листов
В четвертушку форматом!

А иные из них —
На щитах здоровенных. . .
И маячил мой стих
На дорогах военных.

Все же в ротах чтецы
Те стихи одобряли,
Потому что бойцы
В них себя узнавали.

И звучало в стихах
Откровенное слово —
И на подвиг в боях
И на гибель готово.

Те стихи как могли
До конца отслужили, —
Спят в архивной пыли,
Словно в братской могиле.

Им поклон приношу,
Пусть вкушают забвенье.
Только все, что пишу, —
Это их продолженье.

1958

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ЛЕГЕНДА

«Блокадные помню года, —
Так начал он дивную повесть, —
Я с флотом простился тогда,
И принял меня бронепоезд.

Он звался «Балтиец», на нем
Служить мне теперь предстояло.
С врагом расквитаться огнем
Давно мое сердце мечтало.

Скорее сбылись бы мечты,
Скорей бы дела боевые.
Но не было пушек — пусты,
Платформы пусты броневые.

В рассказе моем подхожу
К событиям необычайным.
Все то, что сейчас расскажу,
Являлось до времени тайной.

Мы ждали — нет пушек для нас.
Ругали штабистов мы дружно,
И вдруг получаем приказ:
«Бойцы, принимайте оружье».

Глядим и не верим глазам.
Откуда подарки такие,
Откуда доставили к нам
Тяжелые пушки морские?

Одну осмотрел я сполна,
В ней, вижу я, действовал порох.
Тут мне объяснили — она
Доставлена фронту с «Авроры»...

Я ратник великой войны,
За многое был я в ответе,
Решали мы судьбы страны,
Судьбу Октября на планете.

И мне, рядовому бойцу,
Из пушки той бить предстояло,
Что в ночь Октября по дворцу,
На штурм поднимая, стреляла.

К врагам беспощадна, грозна,
В легендах времен величава,
Вновь двинулась в битву она,
Моей революции слава.

Врагам преграждая пути,
Шагает народ в ополченьи,
И вместе с народом идти
Прямое ее назначенье.

В блокадные ночи и дни
Она поработала грозно.
Пойди на «Аврору», взгляни,
На пушке увидишь ты звезды.

Они по числу блиндажей,
Которые пушка разбила,
Они по числу батарей, —
Она их огонь погасила.

В блокадные ночи и дни
Слыхали ее ленинградцы,
Хотя и не знали они,
Не знало железное братство,

Кто с ними в их славных рядах,
Хоть чудилось сердцу иному,
Что в наших орудий громах
Есть отзвук Октябрьского грома.

И, может быть, скромный солдат
В окопах переднего края
Вдруг понял — с «Авроры» гремят
На подвиг бойцов призывая.

Быть может, готовя броню,
Прокатчик с «Путиловца» старый
Вдруг молодость вспомнил свою,
Услышав той пушки удары.

И чудилось людям, в обстрел
На крышах пробитых стоящим,
Что голос «Авроры» гремел,
За муки народные мстящий.

Родная моя сторона,
Тебе мы достойно служили,
Хоть памятна многим война,
О всем рассказать мы не в силе.

Как славой окончился бой,
Пришел бронепоезд из рейса,
Как ратник вернулся домой,
Как пушка вернулась на крейсер.

Тебя я прошу об одном,
Хоть просьба покажется странной,
Но тверд я в желаньи моем:
Остаться позволь безымянным.

Я только блокадный солдат,
А всех назовешь ты едва ли,
Они за родной Ленинград
Всей грудью своей постояли.

Кончается повесть моя,
Я славлю великое братство,
Мои безымянны друзья,
И с ними хочу я остаться».

[*1958*]

НЕВСКИЙ, ДВА

Мы жили в доме два на Невском,
Здесь поселила нас война.
Порой, стекло ударом резким
Кроша, воздушная волна

Врывалась в комнату, и гранки,
Блокноты и черновики
Летели на пол, как в землянке;
Тут были все фронтовики.

Порой осколок, лампу срезав,
Врубался в стену, — не беда,
Его зазубренным железом
Мы украшали стол тогда.

Был фронтовым редакционный
Суровый быт на Невском, два.
Нас вызывали поименно,
Звучали краткие слова:

«Вам ехать в часть!» —
Что означало:
Планшет блокнотами грузи,
Шагай двенадцать верст сначала,
Потом под пулями ползи.

И где-нибудь у Ям-Ижоры
С расчетом точки огневой
Включись, как равный, в разговоры,
Чтоб воскресить недавний бой.

А если вдруг ближайшей ночью
Тебе взаправду повезет
И ты увидишь сам воочью,
Как бьет гвардейский миномет,

Как атакуют батальоны,
За огневой цепляясь вал, —
Тогда редактор благосклонный
Тебе в газете даст подвал.

Я испытал не только это,
Я помню жаркие дела,
Но с той поры я твой, газета,
Когда бы ты ни позвала.

1957

ПОЭТЫ

Ночь блокады темна,
Как еще далеко до рассвета,
Мы разделим табак,
Тот, что дан в дополненье
к пайкам.
Коридорами Смольного
Ночью шагают поэты,
И стихи сочиняют,
И пишут воззванья к полкам.

Принимаем сполна
Все, что будет сегодня и завтра.
Нам доверено слово,
Оно не устанет звучать.

Есть форпосты у нас,
Это — радио,
Это — «Ленправда»,
Это наша армейская
И фронтовая печать.

Никогда не забудем
О том, что в блокаде мы были.
Мы расскажем всю правду
О наших родных земляках.
Чем ты счастлив, мой друг?
Тем, что строчки твои находили
На газетных скупых,
На пробитых осколком листках.

Длится грозная ночь,
И обстрелы все длятся и длятся.
Вот зенитка на площади
Ревом сплошным залилась.
В два часа, мы надеемся,
Нам позвонят домочадцы,
Если только опять,
Как вчера, не нарушится связь.

И пока мы не спим,
Нам на утро готовят путевки.
«До особого распоряженья
Отбыть предлагается вам...
Одному к партизанам,
Другому к Приневской Дубровке
И в Кронштадт остальным», —
Видно, круто пришлось морякам.

Мы выходим. Снега
Багровеют от стужи рассветной,
С постамента Ильич
Указует рукою — вперед!
Есть на пропуске знак,
Он до срока секретный.
Мы с тобой навсегда,
Вдохновение наше,
Народ!

Продолженьем стихов
Отвечают врагу батареи.
Всплески залпов, как рифмы,
Сшибаясь, летят за «кольцо».
Путь далек до застав,

Мы проспектом идем, как траншеей.
На любом перекрестке
Патруль узнает нас в лицо.

1957

ПИСАТЕЛЬ

Сказал редактор: «Надобен рассказ
Писателя, известного народу,
О героизме всенародных масс,
Поднявшихся для битвы за свободу.

Чтоб в том рассказе, бьющем напрямик,
Он говорил — близка с врагом расплата,
Чтоб в том рассказе русский был язык,
Доступный сердцу каждого солдата.

Чтобы огнем прошлося по сердцам
Правдивое писательское слово.
Такой рассказ найти придется нам,
Читатель ждет».
И вспомнил я Шишкова.

Недолго мне искать его пришлось,
Была мне эта лестница знакома
Снарядами пробитого насквозь,
Осколками исхлестанного дома.

И той блокадной, памятной зимой,
В бобровой шубе, с палкой суковатой,
Шагал Шишков по Невскому со мной,
Презрев разрывов близкие раскаты.

Гостеприимства чтили мы закон,
Все сделали, что было в нашей силе.
В кредит добыв обеденный талон,
Блокадным супом гостя покормили,

В редакцию свели мы старика,
А там при свете призрачном огарка
С корреспондентом три фронтовика
Беседовали сбивчиво и жарко.

«Ну, здравствуйте! — промолвил им
Шишков. —
Откуда вы?»
И слышит он:

«Мы в Детском
Сегодня побывали у врагов,
Нам не впервой в тылу бывать немецком.
Мы из разведки. . .»

«Слушайте, сынки, —
Сказал Шишков, — известье будет внове,
Что в Детском я хранил черновики
Последних глав моих о Пугачеве.

Я в письменном столе оставил их,
Подумаю — душа в груди сожмется:
Ведь, может быть, захватчик и до них,
До рукописи, дьявол, доберется!»

И встал сержант, разведчик молодой,
За ним поднялись два его солдата.
«Мы сходим в тыл за рукописью той. —
И брякнула у пояса граната. —
Комбат позволит!»

«Слушайте, сынки, —
Сказал писатель, — что вы, в самом деле!
Я знаю наизусть черновики,
Опомнитесь, да вы в своем уме ли?

Бумага вздор. Подумаешь, добро!
Благодарю, однако, за повадку.
Теперь садитесь. Где мое перо?
Рассказывайте все мне по порядку».

И через час бойцы ушли. Пора.
К передовой нелегкая дорога...
Шишков писал до самого утра.
Была в ту ночь воздушная тревога.

Зенитки били бешено во тьму,
Больших калибров действовали пушки.
А мы зажгли резервную ему
Свечу в редакционной комнатушке.

И о геройстве всенародных масс,
Поднявшихся для битвы за свободу,
В то утро мы услышали рассказ
Писателя, известного народу.

1957

ОТБОЙ ТРЕВОГИ

Лишь окончится артобстрел,
Над безмолвием площадей
К нам в блокадную ночь летел
Танец маленьких лебедей.

О Чайковский, спасибо вам:
На родных берегах Невы
Это с нами, на страх врагам,
Поделились бессмертьем вы.

1958

ЗА ЛЕНИНГРАД

Он рванулся в атаку.
В руке автомат,
Возле пояса связка гранат.
И звучал его клич,
Поднимая солдат:
«За тебя, Ленинград!»

А затем разорвался
Над нами снаряд.
Отнесли мы бойца в медсанбат.
Повторял он в бреду
Двое суток подряд:
«За тебя, Ленинград!»

Возвышается мрамор
Над вязью оград,
Там безмолвен зарытый солдат,
А на мраморе
Золотом буквы горят:
«За тебя, Ленинград!»

[1958]

САЛЮТ

Над свершившими подвиг
Забвенье вовеки не властно, —
Этот день навсегда
и в легенды,
и в песни войдет,
В этот день Ленинград
поднимался на праздник прекрасный,
И на стогны его
выходил победитель народ.
И поставили пушки
рядами
на Марсовом поле,
Чтоб зажечь небеса
над Невой
на пятнадцать минут.

Мы победу справляли
на грозном, на славном раздолье,
С той поры
не смолкает в сердцах этот гордый салют.
Потому что
твоя, Ленинград, беспримерная слава
Не стареет с годами,
ее обновляют дела,
И, как доблесть и честь,
устремленная ввысь величаво,
Облака над Невой
золотая пронзает игла.

[1958]

ПЕСНЯ

Есть на свете холмы и долины,
Где, как в сказке, цветут города,
Но тебя, Ленинград мой орлиный,
Не забыть, не забыть никогда.

Не забыть мне ночей твоих белых,
В лунном блеске узорных оград.
Не забыть мне друзей моих смелых,
Отстоявших тебя, Ленинград.

Есть на свете широкие реки,
О которых чудесна молва,
Но тебя не забыть мне вовеки,
Дорогая, родная Нева.

Где б я ни был, за степью, за морем,
Возле дальних, неведомых рек,
Ленинградские алые зори
Не забыть, не забыть мне вовек.

[*1958*]

ПОХОД К ФИОРДАМ

ПОСВЯЩЕНИЕ

Я посвящаю стихи свои
Тому, кто со мной был,
Кто грелся в чумах
из хвои,
Хлеб топором рубил.

Тому посвящаю, назло
врагам,
Кто шел полка впереди,
С кем в долгую зимнюю
ночь наган
Отогревал на груди.

И мы полюбили огонь — огонь,
Который неукротим,
И память расскажет, лишь только
тронь,
Как мы управляли им.

1946

* * *

Где скальды?
Встаньте, чтоб воспеть
Дела людей, достойных песен.
Или ручьям о них звенеть?
Но в дебрях горных сумрак тесен.
Но высыхает храбрых кровь
На валунах, красневших щедро,
И только трубный возглас ветра
Призывом к хору слышу вновь!

Еще не выбита медаль,
Еще дымится поле боя,
Еще не клонится печаль
На грудь сраженного героя,

Еще орудий гневных гром
Ночной грозы
Не смолк под утро,
Но солнце Альп взошло над тундрой,
Над Қариквайвиша хребтом.
Идем,
И мир для славы мал.
Где скальды?
Встаньте!
Час настал!

1945

БЕРЕЗКА

Одна под ветром хлестким,
Над самой крутизной
Полярная березка
Поднялась над скалой.

Одна средь тундры голой,
Одна средь диких гор.
Ее щадил осколок,
И пуля, и топор.

О ней в траншеях наших
Беседу мы вели
И деревца бесстрашье
Хвалили как могли.

Была в ней жизни сила,
И смелость, и краса.
Она нам говорила,
Что в мире есть леса,

И пажити, и рощи,
И солнца благодать.
И с ней нам было проще
И легче воевать.

Одна под ветром хлестким,
Средь каменных громад,
Она герой, березка, —
Сказал о ней комбат.

Она в гранит вцепилась,
Тянулась к облакам
И не сдалась на милость
Ни стужам, ни снегам.

Но грянула утрата
Для всех ее друзей;
И ранили комбата,
И вспомнили о ней.

И сталь сверкнула плоско, —
Не сетуй, не тужи.
Последнюю, березка,
Нам службу сослужи.

Гори, гори, коль надо.
А много ль в ней тепла!
Но все ж она комбата
Согрела как могла.

И тронулись олени
В далекий медсанбат,
И ночь сгустила тени
Средь каменных громад.

[1944]

* * *

Прислушайся — камень в горах рычит
Над горной тундрой.
То двинулся корпус, идет в ночи
Дорогой трудной.

По фьельдам лишь эхо гудит впотьмах,
Все глуше, глуше.
На пятитонках в больших чехлах
Плывут «катюши».

И самоходные пушки с гор
Сползают юзом,
И щебень дробится, он в прах истерт
Под страшным грузом.

Ты щепки не сыщешь в камнях одной
По всем окружьям.
Дрова на плечах мы несем с собой
В довес к оружью.

Топограф и тот не смог заглянуть
Сюда, но ратный
Без карт мы колонный проложим путь
По белым пятнам.

Нам пламя не в пламя и лед не в лед,
Но сложат были —
И правнук на скалах следы прочтет,
Что мы врубили.

И радостно нашим шагать полкам
На зов народа.
Вы слышали, люди фиордов, к вам
Идет свобода!

1945

* * *

Ответь мне, Танна-Эльв,
Норвежская речушка,
Запомнилась тебе ль
Из жести светлой кружка?

В камнях рассыпав гул,
Ты прыгала беспечно,
Той кружкой зачерпнул
Твоей струи разведчик.

Бывалый человек,
Мужая год от году,
Из многих брал он рек
Все той же кружкой воду.

А нынче счастлив он,
Хоть здесь лишь мох да камень,
В твою красу влюблен,
Тянулся к ней губами.

И нужно помнить ей
О встрече этой звонкой...
И скачет меж камней
Норвежская речонка.

1945

СОЛЬВЕЙГ

Свершилось, — настали сроки,
И вспыхнул небес простор.
И Сольвейг сошла с высоких
Норвежских отвесных гор.

Впервые сошла в долины,
Оставив снегам печаль,
Средь розовых скал в теснинах
Фиорда сияла даль.

Как много ребят надежных,
Свершающих ратный труд,
Которым поверить можно,
Которые не солгут.

Любой — словно вестник воли,
Спокоен, могуч, суров.
И рухнули навзничь тролли
От грохота их шагов.

Иди к ним, иди с поклоном.
Весельем зажглось лицо.
Пусть ковшик с водой студеной
Обходит ряды бойцов.

А я на большом раздолье
Поверил: сбылись мечты,
Ты — песня о счастье, Сольвейг,
Так стань же счастливой ты.

Навеки ты стань свободной,
Навеки забудь беду,
С ушанки моей походной
В подарок прими звезду.

1945

НОЧЛЕГ В ПЕТСАМО

Давайте спать, друзья,
Хотя бы потому,
Что в домик мы вошли,
Что он вполне приличный.
И продолженье поисков к чему?
А надпись: «Мины» —
Это здесь обычно.

Под голову наган,
Покурим, помолчим,
Угомонился гром
Сражения дневного.
Чего ж еще желать?
Огонь горит в печи. . .

Как все же далеко
До города родного!

Давайте спать, друзья,
Хотя бы потому,
Что с невских берегов
К норвежскому фиорду
Дорога нас вела
Сквозь вьюги и сквозь тьму,
Мы верили в успех, —
Я это знаю твердо.

Мы верили в успех,
И путь по силам нам.
Уймем в душе, как встарь,
Минутную тревогу.
Ну что ж, прибавим ночь,
Одну к девятистам,
Зато хоть выспимся, —
Наутро нам в дорогу.

1946

КАМЕНЬ

Он выщерблен ветром,
Облизан метелью,
Он голый и синий, как лед.
Все камень да камень,
Он был нам постелью
Средь этих полярных широт.

Все камень да камень,
От Западной Лицы
До моря лишь камни видны.
Ни дома, ни дыма,
Ни зверя, ни птицы,
Куда ни взгляни — валуны.

Из них мы себе
Воздвигали жилище.
А с полюса хлынет зима —
И вьюга заплачет,
Застонет, засвищет,
И стужа нагрянет и тьма.

Но градом по камню
Ударили пули,
От грома качнулась гора,
Мы с камня поднялись,
По камню шагнули,
Когда нам настала пора.

Об этом словами
Не скажешь сегодня,
Об этом лишь буря гремит.
И те, кто остался
В той преисподней,
Не в землю легли,
А в гранит.

Его мы запомним,
В краю невеселом

Блестит он в полярной ночи,
Все камень да камень,
Холодный и голый. . .
Мы тверже, чем камень.
Молчи!

1946

* * *

Север мой белый, север мой синий,
Край, где свистят снегири,
С пламенных сосен сыплется иней
В блеск незакатной зари.

С финского, видно, похода впервые
Все, что ты сердцу открыл, —
В чащах граниты, реки лесные, —
Я, увидав, полюбил.

Где ж вы, мои золотые ребята,
Ратные братья мои,
Те, что со мною делили когда-то
Ложе из дымной хвои?

Где ж вы?
Здесь все, как зимой незабытой,
Только суровей в сто крат:
Ниже деревья, выше граниты,
Яростней залпов раскат.

Север мой белый, север мой синий,
Вновь я тебя узнаю!
Славлю я смелых, славлю я сильных,
Молодость кличу свою!

1946

* * *

Полярной курицей — треской —
Поужинал солдат.
Оледенелою рукой
Проверил автомат.

Медаль поправил на груди,
Взглянул на высь хребтов. . .
Что ждет солдата впереди?
Он ко всему готов.

В ущельях ветер грянул в рог,
И вздрогнула гора,
И взвился сполоха поток,
Как искры от костра.

И ночь средь каменных громад
Свою сомкнула тьму.
Теперь пускай уснет солдат —
Недолго спать ему.

1946

* * *

Здесь граница. С высот
Низвергается вереск по склонам.
Ждем приказа «вперед!»
И читаем стихи батальонам.

На гранитах седых
Полукругом расселись солдаты.
На коленях у них
Разместились друзья-автоматы.

Трое нас, и привез
Каждый песен без счета,
И смеется до слез,
Вместе с нами смеется пехота.

И грустит, коль грустим,
И гордится судьбой ленинградской, —
Все, как надо, в пути
Мы с бойцами разделим по-братски.

В этот памятный час
Пусть приснятся им дали родные.
Самый старший из нас,
Ты ребятам скажи о России.

Пусть пройдет по сердцам
Весть о родине, лучшей на свете,
Пусть напомнит бойцам,
Что они ее верные дети,

Что до края земли,
До норвежской границы
угрюмой
Мы походом дошли
С нераздельной о родине думой.

1946

* * *

То не гусь Кнебекайзе из дедовской сказки,
Из легенд и преданий возник —
То заоблачным краем, вдаль, дорогой опасной,
Над Варангер-фиордом пролетает «ночник».

Снится детям норвежским этот клекот далекий,
Шумом крыльев широких ночь до края полна.
Снится детям норвежским солнца луч на востоке,
Снятся гуси над морем, снится детям весна.

Это значит: уступят и умолкнут бураны,
Злые карлики в скалах не затеют игру.
Гуси, гуси над морем, — будут зори багряны,
Мох на камне прибрежном зацветет поутру.

И не знает пилот, пролетая над морем,
Над Варангер-фиордом, над ущельем впотьмах,
Что, как сказку, запомнят дальний клекот
мотора
И что сам он из сказки, что расскажут в веках.

1946

КИТОБОЙ

Он стоит на скале, этот домик,
И в окнах
Отражается море
И чайки над ним.
От Гренландии, что ли,
Проплывают волокна
Облаков грозовых
Над простором седым.

У порога старик
В рыжей шляпе из фетра,
Он с большим гарпуном
Китобойным в руке,
Словно парус, пиджак

Раздувается ветром,
Блещут вспышки в горах,
Бой идет вдалеке.

И кричит китобой,
Что кричит — не расслышишь,
Только волны, и птицы,
И вспышки, и гром,
И гортанный тот возглас
С уступов нависших
Нам, идущим вперед,
Говорят об одном.

Ты, старик, нам кричишь,
У порога встречая:
«Я от всех, кто со мной,
Низко кланяюсь вам.
Беден я на земле,
Я над морем хозяин», —
И грозишь гарпуном,
Но не морю — горам.

А в горах то вставало,
То падало пламя,

И раскалывал камни,
Свирепствуя, гром...
И, как друга, навек
Сохранила мне память
На скале старика,
Что взмахнул гарпуном.

1946

* * *

Эдельвейсы — цветы из Тироля,
Егерей жестяные значки,
На валунном, на тундровом поле
Растеряли в грозу лепестки.

И не снег проступает на гребне
Қариквайвиша, мглистой горы, —
На измолотом танками щебне
Серебрятся Тироля дары.

Слишком почва была камениста
Для питомцев альпийских красот,
Слишком ветер железный неистов,
Что ударил с мурманских высот.

1946

* * *

Здесь отражается в воде
Утес базальтовой породы.
Я не встречал еще нигде
Такой торжественной природы,
Такой суровой и прямой,
Но щедрой сердцем на приветы.
Вершины с облачной каймой
Горячим отблеском согреты.
И заиграл рассветный луч,
С ночною мглой, как в песне, споря,
И солнце выплыло из туч
На волны сказочного моря,
И вереск, севера цветок,
На стебле крепком и смолистом

Расправил смуглый лепесток,
Над валуном качнувшись мшистым.
Все внове жителю равнин
Здесь, в этой смутной, дымной
рани,
И фьельд — скалистый исполин,
Что пробуждается в тумане,
Что поднимается из тьмы,
Одетый в золото и пламень. . .
Мы шли с востока, — это мы
Вдохнули жизнь и в лед и в камень.

1946

ДЕТИ

Чуть плетется тележка,
Крут дорожный подъем.
Молодая норвежка
Возвращается в дом.

Воз хозяйственно слажен,
Едет вдаль не спеша.
И сидят на поклаже
Три ее малыша.

Как добраться к избушке
После стольких тревог:
Пятитонки и пушки —
Нескончаем поток.

Гаснет рыжее пламя
Возле края небес, —
Подожженный врагами,
Догорел Киркенес.

Но не бойтесь орудий, —
Рядом с вами друзья,
Рядом русские люди,
Им не верить нельзя.

На возу, как в кроватке
(Что ж поделать — война),
Спите, спите, ребятки,
Ночь приходит, темна.

На возу, как в постели,
Засыпайте дружней.
Рядом в серых шинелях
Много добрых людей.

Вот, шагнув к изголовью
(Как его не понять),
Подполковник Прокофьев
Вам советует спать.

«Спать», — командует старший —
Значит, нужно уснуть.
Танки встали, на марше
Уступают вам путь.

1946

* * *

Мы в Киркенесе, и над нами,
В лучах из пурпура и льда,
Сверкнув приветными огнями,
Зажглась Полярная звезда.

Она для тех над всей подлунной
Горит с небесной высоты,
Кто тяжкой поступью чугунной
Сюда спешил через хребты,

Кто переплыл моря и реки,
Кем озарились берега,
Чья кровь багряная навеки
В горах окрасила снега.

Гори, гори в ночи безмерной
Во славу ратного труда,
Как наше мужество и верность
Неколебимая звезда.

1946

* * *

Вижу груду щебенки.
Здесь был Киркенес.
Этот пепел был городом,
Северной сказкой.
Только черные сыплются хлопья с небес
На броню самоходок,
На плечи,
На каски,
На железные лица усталых солдат.
Горизонт раскален —
Что-то рано светает,
Словно море зажглось,
Словно горы горят, —
Это уголь в порту

В штабелях дотлевает.
Как пустынно вокруг,
Только ветер во мгле.
Танк над дзотом вздымается
Тушей горбатой.
Как пустынно вокруг,
Лишь по пояс в золе
Гор прибрежных
Безмолвствуют скаты.
Отзовитесь, норвежцы,
Бывалый народ,
Рыбаки, горняки,
Моряки, конькобежцы,
Поглядите — мы славой венчаем поход,
Мы хотели бы встретиться с вами,
Норвежцы!
Мы пробили в горах
К вам свой путь напрямик,
Через пламя и льды
К вам шагнули с приветом.
Пусть об этом
Споет вам ваш будущий Григ,
Пусть вам в будущем
Скальды расскажут об этом.

Выходите из бомбоубежищ,
Из нор,
Чтобы было словам,
Да и сердцу не тесно.
Миновала беда,
Оглядите простор...
И карабкался «газик» по кручам отвесным.
И средь каменных скал,
Средь гранитных пород
Засверкали, зажглись
Разноцветные свечи,
Это к нам
Из ущелий
Норвежский народ,
Из пещер киркенесских
Рванулся навстречу.

1946

* * *

Я слежу за движеньем неспешным
Облаков, что плывут надо мной.
К атлантическим далям безбрежным
Проплывают они чередой.

В них огня беспокойная сила
Перешла с обожженных хребтов,
Скандинавские земли накрыла
Тень идущих вперед облаков.

Пусть под ветром попутным и свежим
Проплывут они дальним путем,
Чтоб на камни скупые прибрежий
По-весеннему хлынуть дождем.

1946

* * *

Я в хижине норвежской, я в гостях,
Я постучался запросто, и что же, —
В досель еще неведомых краях.
Как это все на вымысел похоже!

Но был приветлив кафельный очаг.
Хозяева в цветных узорных свитрах,
Оленями расшитых на плечах,
Мне предлагали ужин свой нехитрый.

Простые люди — всюду их найдешь, —
Работники земли, и гор, и моря,
Как домик ваш и светел и хорош,
Хоть и его войны коснулось горе.

Мне так понятен перечень примет,
Неотвратимых, скорбных, неизменных:
И в черной рамке траурный портрет,
И шрам, штыком прочерченный на стенах.

Да стоит ли нам вновь перечислять
Пережитое, памятное явно,
Не лучше ли нам вволю поболтать
О том о сем, о мелочах, о главном.

О том, что мы соседи как-никак,
А в дружбе жить обязаны соседи,
И славил я радушный ваш очаг
На языке сердечных междометий.

И все, что знал, что вычитал из книг,
Норвегия, в беседе нашей длинной,
Все шло в черед — и Амундсен, и Григ.
И лыжный след вдоль солнечной долины.

Я произнес вам слово — Ленинград,
Оно звучало многого знакомей.
И понял я, что вечер мой богат,
Что здесь друзья, что я желанный в доме.

1946

* * *

Опаленные фьельдов отроги
Исхлестали и сталь и свинец,
Он упал возле края дороги
С пулей в сердце, советский боец.

Он в пилотке, просоленной потом,
С просветленным и строгим лицом, —
Словно понял он большее что-то,
Чем живые, пред самым концом.

Скор обряд погребения тяжкий,
И сапер, как всегда деловит,
Буровую закладывал шашку,
Чтобы землю рванул динамит.

Но, как прежде водилось меж нами,
В перекличке солдатской встаю.
Если б смерть выбирали мы сами,
Я наверно бы выбрал твою!

1946

* * *

Ночь полна величавой работы,
Вереницами нарты скользят по снегам,
Равномерны шаги заполярной пехоты,
Вторит гулкое эхо солдатским шагам.

В этих льдистых краях человек еще не был;
Гор полярных рубеж — мы его перешли.
Светом наших побед озаряется небо,
Блещут скалы в алмазах вдали.

Только пушек басы говорят с мирозданьем,
Да от сполохов рдеют снега,
Да олень, протрубив, под полночным сияньем
Поднимает заросшие шерстью рога.

1947

ДОМИК ГРИГА

Расторопные пилигримы
Сувениры везут домой.
Из Норвегии, мной любимой,
Взял я камешек небольшой.

Будет помнится мне дорожка,
Круто врубленная в гранит,
Край, где григовская сторожка
У прибрежной скалы стоит.

Там, где сосны взлетели гордо
На базальтовые хребты,
Где раскинулась даль фиорда, —
Там приют для его мечты.

И не здесь ли легко и смело
Все открылось, что он искал,
Сольвейг тихую песню спела,
Чтоб весь мир ее повторял? . .

«Много ль нужно тебе, художник,
Людям преданный всей душой?» —
Так твердит он мне, придорожный
Этот камешек небольшой.

1961

УЛИЦА НАНСЕНА

Помню команду короткую, властную
У Киркенесских высот:
«Вырвать из пламени улицу Нансена,
Пятая рота,
Вперед!»

Улица Нансена, нами спасенная
В годы войны от огня, —
Ночью полярною,
Ночью бессонною
Вновь ты встречаешь меня.

Ты мне в награду за долгое странствие.
Я благодарен судьбе.
Вновь я пришел к тебе,
Улица Нансена,
Счастья желая тебе.

1961

В СТРАНЕ ДРУЗЕЙ

НА ВЕЧНЫЕ ВРЕМЕНА

В старой Праге, для гостя открытой,
В знак, что дружба у нас навсегда,
Фотографий альбом знаменитый
Подарил мне товарищ Дрда.

В том альбоме фотографы-чехи
Поместили на сотне листов
Все, что сняли они без помехи
В сорок пятом, встречая бойцов.

И смотрю я на дивное диво,
Я товарищей вновь узнаю,
До чего же вы были красивы,
Побывав не однажды в бою!

До чего же вы были прекрасны!
Вам такими остаться в веках,
Вам, оружье сжимающим властно
В огрубелых солдатских руках.

Повнимательней в снимки вглядись ты,
Все как было снимал объектив:
Вот на танках сидят гармонисты,
И трехрядки и души раскрыв.

Золотые, простые ребята
В медсанбатских бинтах и пыли,
Те, что брали в сраженьях Карпаты,
До стобашенной Праги дошли.

Въелся в лица им копотью порох,
Под глазами свинцовая тень,
Но ложится за ворохом ворох
Под солдатские ноги сирень.

И, влюбляясь в красу боевую —
Нет на свете милей красоты, —
Вот таких-то бойцов и целуют,
Вот таким-то и дарят цветы.

1955

ПРИВЕТСТВИЕ

Это стало фразой обиходной,
Я ее всегда услышать рад.
«Честь труду!» — в республике народной
Люди, повстречавшись, говорят.

Я на этот возглас отозваться
Всюду рад,
Люблю людей труда.
Честь труду, товарищи, чест праци!
Наша дружба, братья, навсегда.

1955

НАДПИСЬ

«Здесь Фучик,
Вот золотом надпись,
Взгляните!»
И вздрогнули наши сердца.
Лавровая ветка на темном граните
И светлое имя бойца.

Здесь Фучик —
Он смело сразился с врагами,
Здесь Фучик —
Бессмертен народ.
Над темным гранитом багровое знамя
К жизни зовет.

1955

ЧАСЫ

Возле пражской башни старой,
Полон чувства восхищенья,
Слушал я часов удары,
Петушка я слушал пенье.

Постарался дивный мастер,
Это чудо создавая,
Механические части
В тех часах соединяя.

Не видать клавиатуры,
Но раздастся звон хрустальный —
И различные фигуры
Оживают моментально.

Время в образе скелета
Шнур звонка берет рукою,
А скупец, увидев это,
Деньги прячет под полою.

Рядом юноша-красавец,
Символ молодости вечной,
Многим зрителям на зависть
Улыбается беспечно.

Юных в жизни ждет удача,
Юность, будь благословенна! ..
А скупца, что деньги прячет,
Время скосит непременно.

1955

НАРОДНЫЙ ОБЫЧАЙ

Дикие утки на Влтаве,
Вас я увидел и рад.
Вспыхнул в жемчужной оправе
Селезня пышный наряд.

Рядом проходят трамваи,
Рядом автобус спешит,
Плещет крылатая стая,
Город ее не страшит.

К людям доверчивы птицы,
В дальний собрались полет,
И посредине столицы
Хлебом их кормит народ.

Токарь, учитель и школьник
Кормят слетевшихся птиц.
Я загляделся невольно.
Сколько здесь дружеских лиц!

С вами хочу постоять я
Здесь, у ограды речной.
Чехословацкие братья,
Как вы сродни мне душой!

1955

ДОМ

Вот дом стоит средь Праги шумной,
Он щедрым солнцем освещен.
Красив узор ворот чугунный,
Балкон увит густым плющом.

Жизнь в этом доме — сразу видно —
Течет спокойна и легка,
А на стене его гранитной
Мемориальная доска.

Сверкают венчики тюльпанов,
И кто-то надпись начертал:
«Здесь был убит сержант Степанов,
Он этот дом освобождал».

1955

ВЫСОКИЕ ТАТРЫ

Проснулся я и вижу горы,
Долины в сказочном тумане,
А возле мачт фуникулера
Пасутся вежливые лани.

Покрыты снегом, дремлют елки,
И соснам сон волшебный снится,
А рядом домики поселка
Сверкают алой черепицей.

И каждым утром в шубках ярких,
Надев сапожки меховые,
Беря от лыжников подарки,
Гуляют белочки ручные.

Сюда, ценя чистейший воздух,
Окончив труд, как подвиг славы,
Спешат друзья мои на отдых
Из Праги, Кошиц, Братиславы.

Для них синеют гор громады
И диких чащ темнеют своды,
Для них, свергаясь, водопады
Гремят немолчный гимн природы.

И все дома для них открыты,
И люди сердцем веселятся,
А на балкон, плющом увитый,
Лесные горлинки садятся.

Я здесь на сутки поселился
Среди снегов, пылавших ярко,
И в Татры ваши я влюбился
И вашим белкам нес подарки.

Здесь видел я друзей участье
И этот день сберег на годы...
Я понял — нам доступно счастье
В любом краю, где власть народа.

1955

В СЛОВАКИИ

В Словакии, в речке подземной,
Среди ледяных сталактитов,
Купался товарищ военный,
Окончив поход знаменитый.

«Скажи нам, наш брате Иване, —
Спросили его по-словацки, —
Как можешь купаться ты в ванне,
Где холод поистине адский?»

И голос солдата раздался:
«С похода помыться не худо,
Я в огненных реках купался,
Так разве страшна мне простуда!»

1957

ПАМЯТНИК

У Льва Толстого несколько страниц
Расскажут вам об этом поле боя.
Поселок назывался Аустерлиц,
Теперь его название другое.

А на земле, где храбрый князь Андрей
Глядел на небо, кровью истекая,
Есть памятник, похож на мавзолей,
Ведет под своды лестница крутая.

Здесь всё в цветах, — цветы здесь круглый год.
Тут русских воинов, погибших в день кровавый,
С любовью чтит признательный народ —
Их правнуки здесь шли на Братиславу.

1957

МУЗЕЙ В БРАТИСЛАВЕ

В этом зале, светлом и громадном,
Видят люди карту всей страны
И дороги славы нашей ратной,
По которым шли мы в дни войны...

Блещут стрел пылающие знаки,
От Берлина к Праге держат путь.
Собрались друзья-чехословаки
На событья дней былых взглянуть.

Двигаются стрелы неустанно,
И ожить прошедшему дано.
Возвещает голос Левитана,
Что сегодня мы вступаем в Брно,

Что несем свободу Братиславе.
Ветер нашей ратной славы, вей!
Претворилась в явь легенда — к Влтаве
Казаки ведут поить коней.

Над Москвой, ракеты, ярче взвейтесь!
Слышен голос пушечных стволов.
Наименование гвардейских
Получают двадцать пять полков.

Ветер нашей ратной славы, вей нам!
Был нелегкий воинский поход. . .
В тишине, почти благоговейной,
За движеньем стрел следит народ.

[1958]

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ВСТРЕЧА

Этот день — за многое награда.
Весь во власти радостного чувства,
В этот день я, гостью Ленинграда,
Повстречал вас, Фучикова Густа,

Повстречал вас, Фучика подруга.
Сколько раз лицо мне ваше снилось,
И оно, хоть лет промчалась вьюга,
Ни одной чертой не изменилось.

Мне хоть полчаса вы уделите,
Большим вы располагать не в силе,
Вас, наверно, ждут на «Красной нити»,
И в порту, и на «Электросиле».

Все же мы проспектом Ленинграда
С вами прогуляемся немного.
Рассказать мне вам о главном надо,
Хоть короткой выдалась дорога.

На столе у вас лежат подарки:
Это знаки дружбы нашей вечной.
«Скороход» цветы из кожи яркой
Вам прислал с приветствием сердечным.

Слышал я, вам хочется платочек
Шерстяной купить себе на память.
Белый-белый, он пойдет вам очень,
Связанный искусными руками

Песенниц архангелогородских,
Рукодельниц наших вологодских —
Тех, что репортаж его читали,
О герое павшем вспоминали. . .

Помню с ним по городу прогулки,
В Ленинграде он бывал повсюду.
Улицы, проспекты, переулки
Фучика вовеки не забудут.

Он бывал на Кировском заводе,
Он в порту бывал у корабелов,
Он всегда и всюду был с народом,
Для народа все, что мог, он сделал.

Вот еще о нем стихотворенье,
И теперь душа моя желает —
Пусть мое сердечное волненье
Никогда во мне не утихает.

Как тогда все это было просто.
Мы его случайно повстречали,
Но бывал он и на Геслеровском
И на Грибоедова канале.

Все-таки счастливыми мы были,
Приходил он к нам, неся припасы,
Чтоб ему мы кнедлики сварили,
Пирожок спекли по-чешски — с мясом.

Мы затем за стол садились чинно,
За полночь беседа шла живая,
Он о вас рассказывал, Густина,
Боевым дружком вас называя.

С вами бы в метро мне опуститься,
Восхититься жизни дивной сказкой,
Потому что Фучика частица
Есть и в этой стройке ленинградской.

Он за все, что дорого, в ответе,
Он своею грудью молодою
Постоял за лучшее на свете
И за этот город над Невою.

Он такую чувствовал отвагу,
И такую чувствовал он силу,
Что в свою стобашенную Прагу
Всех друзей при жизни пригласил он.

Жаль, что есть у встречи расставанье,
Обо всем еще не говорили.
Дорогой товарищ, до свиданья,
Вот уже фанфары протрубили,

И в Дворце счастливом пионеров
Все зажглись торжественные люстры,
Красный флаг развернут — символ
веры, —
Будет встреча с Фучиковой Густой.

Собралось в белоколонном зале
Девочек немало и мальчишек,
Чтоб вручить вам галстук самый алый,
Чтоб от вас о Фучике услышать.

Пусть же станет светлою разлука,
Отвергает сердце расстоянье...
До свиданья, Фучика подруга,
Дорогой товарищ, до свиданья.

[1958]

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Из стихов о Ленине

Соль

Ясное утро

Военное братство

Откровенное слово

Поход к фиордам

В стране друзей

Борис Михайлович Лихарев

СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор *Н. Булгакова*

Художественный редактор *А. Гасников*

Технический редактор *В. Алексеева*

Корректор *В. Урес*

Сдано в набор 3/IX 1971 г. Подписано к печати 26/X 1971 г. Тип. бумага № 1. Формат 84×108 1/64 3,625 печ. л. 6,09 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 4,501+ 1 вкл.=4,541. Тираж 25 000 экз. Заказ № 1287. Цена 58 коп.

Издательство «Художественная литература»
Ленинградское отделение
Ленинград, Невский пр., 28

Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Красная ул., 1/3

Б. ЛИХАРЕВ